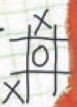

Крестики-
Нолики

Виктор
Толявкин

Карусель в голове

Виктор
Толявкин

Карусель в голове

Рассказы

ХУДОЖНИК В. МИНЕЕВ

МОСКВА
РОСМЭН
2018

ТЕТРАДКИ ПОД ДОЖДЁМ

На перемене Марик мне говорит:
— Давай убежим с урока. Смотри, как на улице хорошо!

— А вдруг тётя Даша задержит с портфелями?

— Нужно портфели в окно побросать.

Глянули мы в окно: возле самой стены сухо, а чуть подальше — огромная лужа. Не кидать же портфели в лужу! Мы сняли ремни с брюк, связали их вместе и осторожно спустили на них портфели. В это время звонок зазвенел. Учитель вошёл. Пришлось сесть на место. Урок начался. Дождь за окном полил.

Марик записку мне пишет:

«Пропали наши тетрадки».

Я ему отвечаю:

«Пропали наши тетрадки».

Он мне пишет:

«Что делать будем?»

Я ему отвечаю:

«Что делать будем?»

Вдруг вызывают меня к доске.

— Не могу, — говорю, — я к доске идти.

«Как же, — думаю, — без ремня идти?»

— Иди, иди, я тебе помогу, — говорит учитель.

— Не надо мне помогать.

— Ты не заболел ли, случайно?

— Заболел, — говорю.

— А с домашним заданием как?

— Хорошо с домашним заданием.
Учитель подходит ко мне.
— А ну, покажи тетрадку.
Я молчу.
— Что с тобой происходит?
Я молчу.
— Придётся тебе поставить двойку.
Он открывает журнал и ставит мне двойку, а я думаю о своей тетрадке, которая мокнет сейчас под дождём.
Поставил учитель мне двойку и спокойно так говорит:
— Какой-то ты сегодня странный...

ЯАНДРЕЕВ

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале; чуть что, сразу меня вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно — он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут. А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю — никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал. Прихожу в класс, заявляю ребятам:

- Я теперь не Андреев. Я теперь Яндреев.
- Мы давно знаем, что ты Андреев.
- Да нет, — говорю, — не Андреев, а Яндреев, на «Я» начинается — Яндреев.

— Ничего не понятно. Какой же ты Яндреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

— У кого, — говорю, — не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

— Удивительно, — говорит Вовка, — почему ты вдруг Яндреевым стал!

— Ещё увидите, — говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

— У меня, знаете, дело такое: я теперь Яндреевым стал. Нельзя ли в журнале изменить, чтобы я на «Я» начинался?

— Что за фокусы? — говорит Александра Петровна.

— Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

— Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яндреев, урок отвечать.

Я ПУГОВИЦУ СЕБЕ САМ ПРИШИЛ!

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я её криво пришил, но ведь я её сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, — ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я всё сам делаю — пуговицу себе сам пришил...

КАК Я ПОД ПАРТОЙ СИДЕЛ

Только к доске отвернулся учитель, а я раз — и под парту. Как заметит учитель, что я исчез, ужасно, наверное, удивится.

Интересно, что он подумает? Станет спрашивать у всех, куда я делся, — вот смеху-то будет! Уже пол-урока прошло, а я всё сижу.

«Когда же, — думаю, — он увидит, что меня в классе нет?»

А под партой трудно сидеть. Спина у меня заболела даже. Попробуй-ка так просиди! Кашлянул я — никакого внимания. Не могу больше сидеть. Да ещё Серёжка мне в спину ногой всё время тычет. Не выдержал я. Не досидел до конца урока. Вылезаю и говорю:

— Извините, Пётр Петрович...

Учитель спрашивает:
— В чём дело? Ты к доске хочешь?
— Нет, извините меня, я под партой сидел...
— Ну и как, там удобно сидеть, под партой? Ты сегодня сидел очень тихо. Вот так бы всегда на уроках.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ КОМОДА

Маше семь лет. Она ходит в школу в первый класс и учится на отлично. Её ставят в пример как лучшую ученицу. А однажды вот что случилось. Она не выучила урока и вообще ничего не могла ответить. Весь класс пришёл в удивление, и все мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»

Учитель строго взглянул на неё.

— Объясни мне, что это значит?

Маша заплакала и объяснила всё по порядку:

— У нас большое несчастье. Мама передвигала комод. А братик сидел на полу. Он крутил волчок. Волчок закатился под комод. Братик полез за волчком. И мама ему прищемила живот. Братика увезли в больницу. Все плакали очень сильно, и я не могла учить урок.

Мальчики и девочки подумали: «Вот это да!»
А учитель сказал:

— Раз такое дело, это совсем другое дело. —
И погладил Машу по голове.

Прошло несколько дней. Учитель встретил Машину маму. Он ей говорит:

— У вас такое несчастье. Вы придавили сына ко-
модом. Мы все вам сочувствуем.

— Что вы, что вы! — сказала мама. — У меня
нет ни комода, ни сына. У меня только дочка.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

— Это я, — сказал он. — Похоже?

— Нисколько, — ответил Юра, — у тебя не такие уши.

— А какие же у меня уши?

— Как у осла.

— А у тебя нос — как у бегемота.

— А у тебя голова — как еловая шишка.

— А у тебя голова — как ведро.

— А у тебя во рту зуба нет...

— А ты рыжий.

— А ты селёдка.

— А ты вуалехвост.

— А что это такое?

— Вуалехвост — и всё.

— А ты первердер...

— Это ещё что значит?

— Значит, что ты первердер.

— А ты дырбыртыр.

— А ты выртырвыр.

— А ты rrrrrrrr...

— А ты zzzzzzzz...

— А ты... ы! — сказал Юра и увидел рядом учителя.

— Хотел бы я знать, — спросил учитель, — кто же всё-таки вы такие?

КАК МЫ НА САМОЛЁТЕ ДЕТАЛИ

Приезжаем на аэродром. Нас шефы-лётчики пригласили.

Весь класс наш в один самолёт уместился. Прямо дом, а не самолёт! Хочешь — сиди, хочешь — стой, что хочешь делай! Валерка петь стал. Только когда загудел самолёт, он почему-то вдруг перестал петь.

— Летим уже? — спрашивает. — Или нет?

Кто-то как закричит:

— Летим! Летим!

— Я боюсь, — говорит Валерка. — Зачем я только в кино не пошёл! — И зубами стучит.

Я ему говорю:

— С непривычки это бывает.

— А ты раньше летал? — спрашивает Валерка.

— Я на катере ездил. А это почти что одно и то же. Мы с отцом с катера рыбу ловили.

Вдруг выходит к нам лётчик. Улыбается, спрашивает:

— Ну как?

Валерка как заорёт:

— Ой, идите за руль! Самолёт упадёт! — И заплакал.

Лётчик смеётся:

— Не беспокойся. Там ведь ещё лётчик есть.

Валерка перестал плакать.

— Эх ты, плакса! — говорит лётчик. — Девочки на тебя смотрят.

Катя услышала и говорит:

— Мы на него совсем не смотрим. Мы в окно смотрим.

А лётчик не отстаёт:

— Они даже смотреть на тебя не хотят; эх ты, трусишка!

Мишка Колосов говорит:

— Чудак Валерка. Сначала пел, а потом стал бояться.

Лёнька Скориков говорит:

— Это он, наверное, от страха пел.

Тут самолёт на снижение пошёл.

Вышли мы из самолёта.

— Эх, — говорит Валерка, — хорошо бы ещё покататься.

— Вот и прекрасно, — улыбается лётчик, — сейчас будем на вертолёте кататься.

Я обернулся — нет Валерки.

— Где Валерка? — спрашивают ребята.

Наверное, он в кино пошёл!..

ЛУКЪЯН

Катю вызвали отвечать урок, а Маша в окно за-
смотрелась. Катя подсказку ждёт, а Маша видит
собаку Лукьяна и говорит тихо, вслух:

— Лукьян...

Катя думала, ей подсказали, и повторяет:

— Лукьян...

— При чём тут Лукьян?! — удивился учитель.

Учитель сердито смотрит на Катю.

Катя сердито смотрит на Машу.

А Маша спокойно смотрит в окно.

ЯЗЫК

Ребята работали. А Петя сел на ступеньку. И так
сидел. Очень нужно работать!

Но сидеть надоело.

Он кошку увидел.

Поймал её.

Показал кошке шиш, посвистел кошке в ухо, по-
дул на неё, скорчил несколько рож, спел три песни,
язык показал.

Она его цап лапой по языку!

Он сразу петь перестал.

Заорал, кошку выпустил и помчался к ребятам...

Лучше поздно, чем никогда!

КАК Я ПОМОГАЛ МАМЕ МЫТЬ ПОЛ

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. «Не получится, — говорит, — у тебя...»

— Посмотрим, как не получится!

Трах! — опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три — и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил

ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру — ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

— Что такое, — кричит, — почему вода?

— Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

— Какой насос?

— Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

— Ничего. Ты мне всё же помог.

НОВАЯ РУБАШКА

Хотя на дворе мороз и снег, я расстегнул пальто на все пуговицы и заложил за спину руки.

Пусть все видят мою рубашку, которую мне сегодня купили!

Я ходил по двору взад-вперёд, поглядывая на окна. Шёл с работы мой старший брат.

— О, — сказал он, — какая прелесть! Только смотри не простудись.

Он взял меня за руку, привёл домой и надел мне рубашку поверх пальто.

— Теперь гуляй, — сказал он. — Какая прелесть!

НЕОХОТА ВСЁ ВРЕМЯ ПЕШКОМ ХОДИТЬ

Неохота всё время пешком ходить. Прицепился сзади к грузовику и еду. Вот и школа за поворотом. Только вдруг грузовик быстрее пошёл. Будто нарочно, чтоб я не слез. Школу уже проехали. У меня уже руки держаться устали. И ноги совсем затекли. А вдруг он так целый час будет мчаться?

Пришлось в кузов забраться. А в кузове мел был какой-то насыпан. Я в этот мел и упал. Такая пыль поднялась, что я чуть не задохся. Сижу на корточ-

ках. За борт машины держусь руками. Трясёт вовсю! Боюсь, шофёр меня заметит — ведь сзади в кабине окошечко есть. Но потом понял: он не увидит меня — в такой пыли трудно меня увидеть.

Уже за город выехали, где дома новые строят. Здесь машина остановилась. Я сейчас же выпрыгнул — и бежать.

Хотелось всё же в школу успеть, несмотря на такой неожиданный поворот дела.

На улице все на меня смотрели. Даже пальцем показывали. Потому что я весь белый был. Один мальчишка сказал:

— Вот здорово! Это я понимаю!

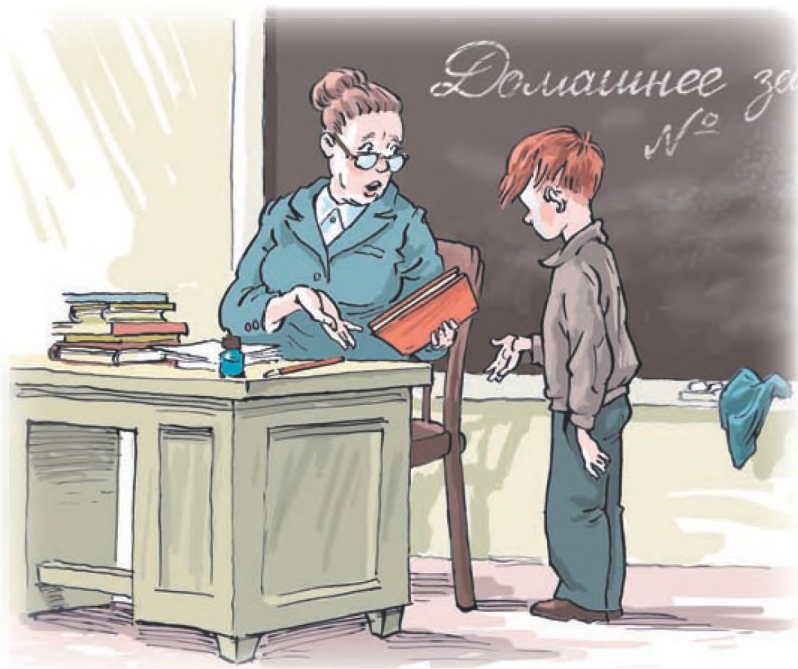
А одна девочка маленькая спросила:

— Ты настоящий мальчик?

Потом собака чуть не укусила меня...

Не помню уж, сколько я шёл пешком. Только к школе когда подходил, все из школы уже выходили.

БЫЛ НЕ КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

В классе все пересказ писали, а я, как назло, в этот день заболел. Через пять дней только явился в школу.

Анна Петровна сказала мне:

— Вот возьми домой книжку, прочти её и напиши своими словами. Только не больше двух раз прочти.

— А если я не запомню?

— Пиши, как запомнишь.

— А третий раз ни за что нельзя?

— В крайнем случае — можно.

Пришёл я домой. Прочёл два раза. Как будто запомнил. Забыл только, как слово «окно» писать — через «а» или «о». А что, если книжку открыть и заглянуть разок? Или это не крайний случай? Наверное, это не крайний случай. Ведь в основном я всё запомнил. Спрошу-ка я лучше у папы, можно мне заглянуть в третий раз или нет.

— Этот случай не крайний, — сказал папа. — Есть правило о безударных гласных. И ты должен знать это правило.

Правило я забыл. Пришлось наугад писать.

Анна Петровна прочла рассказ.

— Что же ты слово «окно» через «а» написал?

Я говорю:

— Был не крайний случай. И я не мог в третий раз заглянуть в книжку. А то бы я правильно написал.

МОЯ РАБОТА

Старший брат мастерил приёмник, а младший ходил вокруг и мешал.

— И я работать хочу, — просил он.

— Вот пристал, — сказал старший брат. — На тебе молоток и гвоздь.

Младший нашёл кусок фанеры и приступил к работе.

Тук-тук-тук — вся фанера в дырках! Даже вся табуретка в дырках. Даже в пальце чуть-чуть не сделал дырку.

— А ну-ка, — сказал старший брат, — дай сюда. — И прибил фанеру к приёмнику.

— Вот и всё, — сказал старший брат, — готов приёмник.

Младший вышел во двор и привёл ребят.

— Это я сделал. Моя работа!

— Весь приёмник сделал?

— Не весь, конечно, но главную часть. Без неё приёмник бы не работал.

НИКАКОЙ Я ГОРЧИЦЫ НЕ ЕЛ

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой — сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю — машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

— Поломалась?

Молчит шофёр.

— Поломалась? — спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

— Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

— Угадал, — говорит, — поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

— Да я... не умею...

— Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам. Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу ближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

— Как с патентом?

Другой говорит:

— Хорошо с патентом.

«Что это, — думаю, — патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

— Гляди-ка, парень как рот раскрыл. — И ко мне обращается: — Что тебе?

- Мне ничего, — отвечаю, — я просто так...
- Тебе нечего делать?
- Ага.
- Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?
- Вижу.
- Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.
- Как это?
- А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.
- И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

— Не смешно, — говорю, — а вы смеётесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

— Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

Тогда один говорит:

— Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету.

Дворник вдруг из ворот выходит:

— Не тронь метлу!

— Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

— А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На леса строительные залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

— Куда лезешь? Эй!

Смотрю — нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься — опять:

— А ну слезь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

— Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Я чуть с лестницы не скатился.

Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали всё увидел — рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

— Плати, мальчик, снова.

— У меня больше денег нету. Только три копейки было.

— Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

— Ой, мне далеко пешком идти!

— А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

— Откуда вы знаете?

— Я всё знаю. По тебе видно.

— А чего видно?

— Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

— Никакой я горчицы не ел...

— Всё равно сходи. Прогульчиков я не вожу бесплатно. — А потом говорит: — Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачерпывают ковшами землю и в сторону сыплют. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

— В ковш хочешь попасть?

Я обиделся.

— Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтоб он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо:

— Ты что?

— А что?

— Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

— Что с тобой?

— А чего?

— Что ты мне рожи строишь?

— На экскаваторе покатайте меня.

— Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

— Я тоже, — говорю, — хочу на нём работать.

Он говорит:

— Эге, брат! Учиться надо!

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

ПАРА ЛУСТЯКОВ

Как только учебный год кончился, весь класс во дворе собрался. Обсуждали, что будут летом делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

— Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет, оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провёл время.

Все закричали:

— Правильно! Правильно!

На том и порешили.

Разъехались все кто куда. Клим в деревню поехал. Он там сразу письмо написал — пять страниц. Он написал:

Я в деревне спасал тонущих. Они все остались довольны. Один спасённый мне сказал: «Если б не ты, я бы утонул». А я ему сказал: «Для меня это пара пустяков». А он сказал: «А для меня не пара пустяков». Я сказал: «Конечно, для тебя не пара пустяков, а для меня пара пустяков». Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков».

Я спас человек пятьдесят или сто. Даже, может быть, больше. А после они перестали тонуть, и спасать стало некого.

Тогда я увидел лопнувший рельс. И остановил целый поезд. Люди выбежали из вагонов. Они обнимали меня и хвалили. А многие целовали. Многие просили мой адрес, и я им давал свой адрес. Многие дали свои адреса, и я брал с удовольствием их адреса. Многие мне предлагали подарки, но я сказал: «Только, прошу вас, без этого». Многие меня фотографировали, со многими я фотографировался, многие мне предлагали ехать сейчас же с ними, но бабушку я не мог оставить. Я ведь не предупредил её!

Потом я увидел горящий дом. Он горел вовсю. А дыму было сколько угодно.

«Вперёд! — сказал я сам себе. — Непременно там кто-нибудь есть!»

Кругом меня падали балки. Несколько балок упало сзади меня, а несколько — впереди. Несколько балок

упало сбоку. Одна балка упала мне на плечо. Две или три балки упали с другого бока. Пять балок упало мне прямо на голову. Несколько балок ещё где-то упало. Но я не обращал внимания. Я рыскал по всему дому. Но никого, кроме кошки, там не было. Я выбежал с кошкой на улицу. Хозяева дома были тут. В руках они держали арбузы. «Спасибо за Мурку, — сказали они. — Мы только что из продмага». Они дали мне один арбуз. Потом все тушили дом...

Потом я увидел старушку. Она переходила улицу. Я сейчас же пошёл ей навстречу. «Разрешите, пожалуйста, — сказал я, — перевести вас на другую сторону». Я перевёл её на ту сторону и вернулся обратно. Подошли ещё старушки. Их тоже я перевёл на ту сторону. Некоторым старушкам не нужно было на ту сторону. Но я говорил: «Пожалуйста,

я переведу вас туда и обратно. И вы снова будете на этой стороне».

*Они все говорили мне: «Если бы не ты, мы не перешли бы». А я говорил: «Для меня это пара пу-
стяков».*

Две или три старушки не хотели переходить. Они просто сидели на лавочке. И смотрели на ту сторону. Когда я спросил, не нужно ли им на ту сторону, они сказали: «Нам туда не нужно». А когда я сказал, почему бы им не прогуляться, они сказали: «Действительно, почему бы нам не прогуляться?» Я их всех перевёл на ту сторону. Они там сели на лавочку. Обратно они не хотели идти. Как я их ни упрасивал.

Клим много всего написал. Он был очень доволен своим письмом. И отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия. На уроке Анна Петровна сказала:

— Очень многие прислали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

«Сейчас начнётся, — думал Клим. — В моём письме много геройских поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться».

Анна Петровна прочла много писем.

А его письма не прочла.

«Ну, тут всё ясно, — подумал Клим. — Письмо в газету отправили. Там его напечатают. Может быть, будет мой портрет. Все скажут: „Ой, это он! Смотрите!“ А я скажу: „Ну и что же? Для меня это пара пу-
стяков“».

«КОЗЁЛ-БАРАН»

У нас в школе есть урок пения. Мы там разные песни поём. Я вообще люблю песни петь, только слов я иногда не знаю. Учить слова никому неохота. Хорошо, когда сразу запомнишь. Только разве сразу запомнишь?

Однажды Вовка пел песню. Он совсем слов не знал. Так он пел другие слова. Какие попало. И никто не заметил.

В одной песне я тоже слов не знала. Учитель вызвал меня эту песню спеть. Я сказала учителю:

— Пожалуйста, я вас прошу погромче. А то мне не слышно будет.

А про себя думаю: «Он не услышит, что я буду петь, а я буду петь что попало».

Он посмотрел на меня и сказал:

— С удовольствием! — и заиграл во всю силу.

А я тихо запела. Я пела два слова: «Козёл-баран». Только мотив я верно пела. А слова были «козёл-баран».

Учитель не остановил меня. Он не сделал мне замечания. Только когда я петь кончила, он спросил:

— Хорошо было слышно?

— Хорошо, — говорю, — очень даже!

— А теперь, — говорит, — я играть буду тихо.

А ты пой погромче. Только, пожалуйста, без козла. И без барана, конечно...

ПЯТНАДЦАТЬ ТРЕТЬИХ

Все столпились возле бильярда.

— Довольно играть просто так, — сказал он. — Я играю на третье. К примеру, кисель дадут, или компот, или там шоколад, ну не важно что, ясно?

Всем было ясно. Стали играть.

К обеду он выиграл пятнадцать третьих.

Подали чай. Все кричали:

— Чай! Чай!

Даже повар сказал:

— Во как любят чай!

Он залпом выпил один стакан, второй, третий, четвёртый...

— Стойте... — сказал он. — Сейчас... погодите...

Залпом он уже пить не мог.

Все обступили его. Он сидел перед стаканами, тяжко вздыхал, говорил «погодите» и отпивал каждый раз по глотку.

Кругом шумели. Давали советы. Кто-то пощупал его живот.

— Живот не хватать, — сказал он, — нечестно...

Но больше он уже пить не мог. Он стал бледен, тарачил глаза и икал.

Позвали вожатого.

— Что с ним такое? — спросил вожатый.

— Да вот чаю попил, — сказал кто-то.

С трудом его подняли со стула. Взяли под руки. И повели.

КРУТИ СНЕЖНЫЕ ВЕРТЯ

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя... —

орал я на весь дом.

Я отложил книжку в сторону и с выражением прочёл:

Кроя мглою бурю кроет,
Крути снежные вертя...

Что-то не то. Я опять начал снова:

Буря мглою...

Я забыл вдруг, что буря кроет. Я стал думать и вскоре вспомнил. Я так обрадовался, что начал снова:

Буря кроет небо мглоет...

МГЛОЕТ? Что это такое? Мне стало не по себе. Такого, по-моему, не было. Я поглядел в книжку. Ну так и есть! МГЛОЕТА нету!

Я стал читать, глядя в книжку. Всё получалось как в книжке. Но как только я закрыл книжку, я вдруг прочёл:

Утро воеет небо мгилою...

Это было совсем не то. Я это сразу понял. Я всегда вижу, когда не то. Но в чём тут дело, в конце концов? Почему я никак не запомню?

— Не нужно зубрить, — сказал старший брат, — разберись, в чём там дело.

Я стал разбираться: значит, буря покрывает небо своей мглою и в то же время крутит что есть силы снежные вихри.

Я закрыл книжку и чётко прочёл:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Больше я не ошибался.

ДЕЛО НЕ В ТОМ, ЧТО Я МЯЧ НЕ ПОЙМАЛ

Я вообще вратарь неплохой. А тут вот случилось такое. Стою я в воротах. Вдруг гляжу — Таня идёт.

Я сразу вратарскую позу принял. И одной рукой защищаюсь от солнца.

И всё из-за солнца вышло. Солнца-то не было. Я из-за позы всё.

И тут мне — бац! — гол забили.

Я прыгнул — поздно.

На уроке Таня записку мне пишет: «Ты очень здорово падаешь».

Ох и разозлился я! Значит, я только падаю здорово, а вратарь, значит, я никомушний? Не буду с ней разговаривать.

Целый месяц с ней не разговаривал.

Через месяц стал разговаривать. Ей и вправду понравилось, как я падал. Как в кино, говорит.

Зря я месяц с ней не разговаривал.

ПАРОХОД И ЛОШАДЬ

Когда я ходил в школу, в первый класс, я любил рисовать пароходы. Я всем хвалился: вот какие замечательные пароходы я могу рисовать!

И вот однажды я спросил одного мальчишку, может ли он нарисовать такой же замечательный пароход. Я тут же нарисовал большой пароход с трубами, всё как полагается. Потом я подрисовал море синим карандашом, а красным карандашом — флаг на мачте, и получилось совсем хорошо: плывёт по морю пароход, а на мачте у него развевается красный флаг.

Мальчишке понравился мой корабль, но он мне сказал:

— Я могу лошадь нарисовать.

И он нарисовал лошадь.

Эта лошадь была так хорошо нарисована, что я больше не хвалился своими пароходами, потому что такую лошадь я не сумел бы нарисовать никогда!

ТАК ВСЕГДА БЫВАЕТ

Мяч свой я у них отобрал. Потому что мяч мой. Кидаю мяч в стену и сам ловлю. Очень мне все нужны! Хватит мне этой стенки. Вот я и ловлю мяч от стенки. А Гога кричит:

— Смотрите-ка, он сам с собою играет!

Разве я сам с собою играю? Я со стеной играю.

Пёс Катушка ко мне привязался, вокруг бегаёт, машет хвостом.

А Гога кричит:

— Ой, смотрите, с Катушкой играет!

— Не я с Катушкой играю, а Катушка со мной играет.

И продолжаю играть.

Играю себе и играю.

Вдруг пёс Катушка — цап мячик! — и всё...

Превратился мячик в лепёшку.

А Гога орёт:

— Так всегда бывает!

Врёт, наверное...

ДРУЗЬЯ

Андрюша и Славик друзья.

Они всё делают вместе. Когда Андрюша упал с веранды, Славик тоже хотел упасть с веранды, чтоб доказать, что он истинный друг.

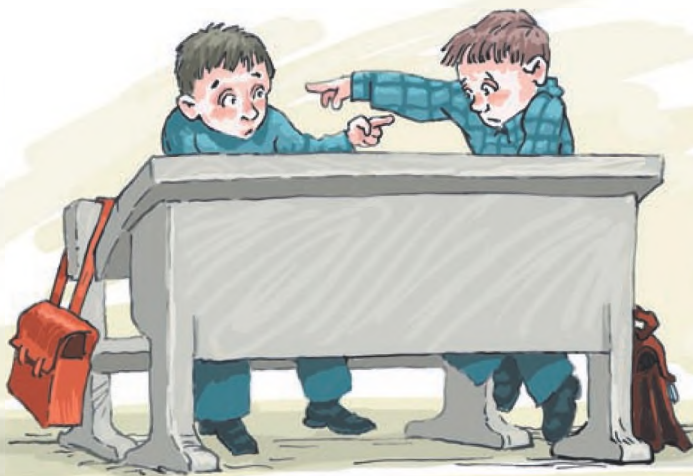
Когда Славик пошёл вместо школы в кино, то Андрюша тогда был с ним вместе.

А когда они принесли в класс кошку и учитель спросил, кто из них это сделал, Андрюша сказал:

— Это Славик сделал.

А Славик сказал:

— Это всё Андрюша...

ВЯЗАЛЬЩИК

Конечно, вы удивитесь. Потому что я мальчик... Но не в этом дело. Дело в том, что я вязать умею. Меня бабушка научила. Я сам себе шапочку для катка связал.

Так вот. Надо мной все смеяться стали:

— Эх ты, девчонка! Это только девчонки вяжут! А мальчишки не вяжут! Эх ты!..

Очень мне неприятно было. Кому приятно, когда тебя дразнят. Я пробовал даже отказываться. Уверял, что не умею вязать. Ну чуть не плачу! Но Шурик видел, как я вязал. Он ко мне приходил и видел. Он мне говорит:

— Не ври! Я видел!

Стали меня звать вязальщиком.

— Вон вязальщик пришёл!.. Эй, вязальщик! Вязальщик пришёл!..

Представляете, какой ужас?!

Но я вязать продолжал. Всё равно ведь дразнят! Лучше уж продолжать вязать. И бабушка говорит:

— Ты вяжи, вяжи, а то тебя зазря дразнят.

Связал я себе свитер. Такой жёлтый свитер с полосками. Полоски зелёные. Очень красиво. Правда, бабушка помогла. Но в основном я всё сам связал.

Прихожу в этом свитере в класс.

Ребята увидели свитер. И не дразнят. А только смотрят.

Потом Шурик вдруг говорит:

— Вот это свитер!..

И Мишка тоже:

— Вот это свитер!..

Я не выдержал, говорю:

— Сам связал!

— Да ну? — удивились ребята.

— Уж что-что, — говорю, — а вязать я умею.

Смотрят ребята на свитер. Нравится им свитер.

Никто уж не дразнит, конечно. Чего уж тут дразнить. Вязальщиком быть совсем не плохо. Это всем стало ясно.

Я СМОТРЮ В ОКНО

Я жду окончания урока. Смотрю со двора в окно класса. Мой папа стоит у доски, что-то пишет.

Я вижу весь класс. Вон сидит толстый мальчишка. Я вижу, как он лезет в парту, берёт булку и суёт в рот. Правда, булка не очень большая, но как мог он её запихать всю в рот? Это очень меня удивило. Он даже не смотрит на папу. Он смотрит куда-то в сторону и всё жуёт и жуёт.

Вон рыжий стучит крышкой парты. Он стучит не так чтобы сильно, но я слышу стук...

Вон скорчил рожу мальчишка, потом вдруг запел. Поёт он не очень громко, но я слышу, как он поёт:

С моей родною конницей
Связался я навек...

А папа стоит к ним спиной. На доске что-то пишет. Он не слышит, наверное, ни стука, ни песни, не видит, как толстый ест булку...

Мальчишка поёт всё громче:

С моей родною конницей
Связался я навек...

Вот папа кончил писать. Он повернулся к классу. Убрал со лба волосы. Положил мел.

Стук и пение прекратились.

Только толстый мальчишка жуёт. Он не может сжевать свою булку. Ещё бы! Правда, булка не очень большая, но сразу её не сжуёшь.

— Вы поняли? — говорит папа.

— Поняли! — кричит толстяк. Он почти что сжевал свою булку.

Я не думаю, чтобы он понял. Он ведь ничего не слышал. Он совсем не смотрел на доску.

— Все списали? — говорит папа.

— Все! — кричит толстый мальчишка. Хотя он ничего не списал. Я же видел.

— Запишите задание на дом.

Папа диктует задание. Но записывают не все. Я же вижу, кто записывает, а кто не записывает.

Я отхожу от окна. Мне не хочется, чтоб меня папа увидел. Не знаю сам почему.

Сейчас будет звонок, папа выйдет.

Я жду папу возле дверей. Я часто сюда прихожу. Жду здесь папу. И мы с ним идём домой. Правда, дом наш напротив школы. Но что ж из этого? Так веселей мне и папе.

Скоро и я пойду в школу. Неужели и я точно так же не буду слушать учителя, а только буду стучать крышкой парты, и вот так на уроке пихать булку в рот, и петь песни?

Нет, ни за что на свете!

А вот и папа!

Мы с ним обнимаемся. И вместе идём домой.

ТЫКВА В СУНДУКЕ

Вы видели мою тыкву? Не видели? Я её сам вырастил. И не где-нибудь, а у нас на балконе, в старом бабушкином сундуке.

Насыпал я в сундук земли. Оторвал крышку. Посадил туда семена, и у меня тыква выросла. Я всем гостям тыкву показывал. Удивляются все и руками машут. Шутка ли, в сундуке тыква?! На выставку, говорят, её надо. В Москву. Пусть видят, какие у нас растут тыквы!

Я этой тыквой очень гордился. Я глаз с неё не спускал.

— Смотри, как выросла! — кричу маме. — Вчера она меньше была, замечаешь?

Это мне казалось, как будто она за ночь выросла. Иногда мне наоборот казалось — как будто она меньше стала. Хотя этого быть никак не могло.

Я всё мечтал о выставке. Как я повезу свою тыкву на выставку. Скажу: «Вот я вырастил тыкву! В сундуке!» Мне скажут: «Какая прелесть! Неужели она в сундуке росла? Такой тыквы у нас ещё не было! Давайте сюда вашу тыкву». Положат её на полочку, прибудут рядом дощечку. А на дощечке напишут: «Сундучная тыква», потому что она в сундуке росла. А рядом моя фамилия. Потому что я её вырастил. И может быть, дадут премию.

Я всё рассуждал о тыкве. Всё поливал её. И всё спрашивал папу и маму, правильно ли я ращу тыкву. Зато папа не мог о тыкве слышать.

— Надоела мне, — говорит, — ваша тыква. Она меня просто с ума сведёт. Всё время только о ней разговоры. Я прихожу с работы. Мне хочется отдохнуть, почитать... А ко мне лезут с этой тыквой!.. Я прошу оставить меня в покое!

Он уходил в свою комнату и запирался на ключ.

Со всеми я говорил о тыкве. Засыпал я с мыслями о тыкве. Просыпался с мыслями о тыкве. Снились мне сундуки и тыквы.

Решил всё сосед Алька.

— Что это? — спросил он. — Тыква?

— Конечно, — сказал я, — а ты что думал?

— Я думал, — сказал он, — что это орех.

— Какой орех?! — возмутился я.

— Какая же это тыква?

Он привёл меня на дошкольный участок. Вот там я увидел тыквы! Это были громадные тыквы. Десятки тыкв.

— Сами вырастили, — сказал Алька.

Стыдно мне было за свою тыкву. Но я сказал:
— Моя тыква — сундучная. Я её в сундуке растил!

ПТИЧКА

Вышел я на перемене во двор. Погода чудесная. Ветра нет. Дождя нет. Снега нет. Только солнышко светит.

Вдруг вижу: крадётся куда-то кошка. Куда, думаю, кошка крадётся? Любопытно мне стало. И я осторожно за кошкой пошёл. Вдруг кошка — прыг! Гляжу, у неё в зубах птичка. Воробышек. Я хватать кошку за хвост и держу.

— А ну, отдай птичку! — кричу. — Сейчас же отдай!

Отпустила кошка птичку — и бежать.

Принёс я птичку в класс.

Кусочек хвоста у неё оторван.

Все окружили меня, кричат:

— Смотрите, птичка! Живая птичка!

Учитель говорит:

— Кошки птичек за горло хватают. А здесь повезло твоей птичке. Кошка ей только хвост повредила.

Просят меня подержать дасть. Но я её никому не дал. Птички не любят, когда их держат.

Положил я птичку на подоконник. Обернулся, а птички нет. Ребята кричат:

— Лови! Лови!

Улетела птичка.

Но я не горевал. Ведь я спас её. А это самое главное.

КОНЬКИ КУПИЛИ НЕ НАПРАСНО

Я не умел на коньках кататься. И они лежали на чердаке. И наверное, ржавели.

Я очень хотел научиться кататься. У нас во дворе все умеют кататься. Даже маленький Шурик умеет. Мне было стыдно выйти с коньками. Все смеяться будут. Пусть уж лучше коньки ржавеют!

Однажды папа сказал мне:

— Коньки я тебе купил напрасно!

И это было справедливо. Я взял коньки, надел их и вышел во двор. Каток был полон. Кто-то смеялся.

«Начинается!» — подумал я.

Но ничего не начиналось. Меня пока не замечали. Я вышел на лёд и упал на спину.

«Сейчас начнётся», — подумал я.

С трудом поднялся. Мне было трудно стоять на льду. Я не двигался с места. Но самое удивительное было то, что никто, абсолютно никто не смеялся, не показывал на меня пальцем, а, наоборот, Маша Кошкина подбежала ко мне и сказала:

— Дай руку!

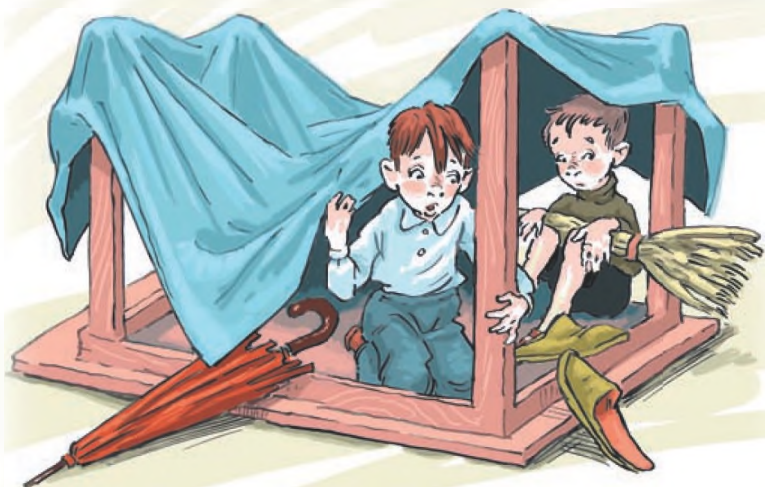
И хотя я упал ещё два раза, а всё равно был доволен. И я сказал Маше Кошкиной:

— Спасибо, Маша! Ты научила меня кататься.

А она сказала:

— Ой, что ты, что ты, я только тебя держала за руку.

МЫ ИГРАЕМ В АНТАРКТИДУ

Мама куда-то ушла из дому. И мы остались одни. И нам стало скучно.

Мы перевернули стол. Натянули на ножки стола одеяло. И получилась палатка. словно мы в Антарктиде. Там, где сейчас наш папа.

Мы с Витькой влезли в палатку.

Мы были очень довольны, что вот мы с Витькой сидим в палатке, хотя и не в Антарктиде, но как будто бы в Антарктиде, и вокруг нас льды и ветер. Но нам надоело сидеть в палатке.

Витька сказал:

— Зимовщики не сидят так всё время в палатке. Они, наверное, что-нибудь делают.

— Наверняка, — сказал я, — они ловят китов, тюленей и что-нибудь ещё делают. Конечно, они не сидят так всё время!

Вдруг я увидел нашу кошку. Я закричал:

— Вот тюлень!

— Ура! — крикнул Витька. — Хватай его! — Он тоже увидел кошку.

Кошка шла нам навстречу. Потом остановилась. Внимательно посмотрела на нас. И побежала обратно. Ей не хотелось быть тюленем. Она хотела быть кошкой. Я это сразу понял. Но что мы могли поделать! Мы ничего не могли поделать. Надо же нам ловить кого-то! Я побежал, споткнулся, упал, поднялся, но кошки уже нигде не было.

— Она здесь! — орал Витька. — Беги сюда!

Из-под кровати торчали Витькины ноги.

Я полез под кровать. Там было темно и пыльно. Но кошки там не было.

— Я вылезая, — сказал я. — Здесь кошки нет.

— Здесь она, — доказывал Витька. — Я видел, она побежала сюда.

Я вылез весь пыльный и стал чихать. Витька всё под кроватью возился.

— Она там, — твердил Витька.

— Ну и пусть, — сказал я. — Я туда не полезу. Я целый час там сидел. С меня хватит.

— Подумаешь! — сказал Витька. — А я?! Я больше тебя здесь лазаю.

Наконец Витька тоже вылез.

— Вот она! — крикнул я.

Кошка сидела на кровати.

Я чуть было её не схватил за хвост, но Витька толкнул меня, кошка прыг — и на шкаф! Попробуй её достань со шкафа!

— Какой же это тюлень, — сказал я. — Тюлень разве может сидеть на шкафу?

— Пусть это будет пингвин, — сказал Витька. — Как будто бы он сидит на льдине. Давай будем свистеть и кричать. Он тогда испугается. И со шкафа прыгнет. На этот раз мы пингвина схватим.

Мы стали орать и свистеть что есть мочи. Я, правда, свистеть не умею. Свистел только Витька. Зато я орал во всё горло. Чуть не охрип.

А пингвин будто не слышит. Очень хитрый пингвин. Притаился там и сидит.

— Давай, — говорю, — в него что-нибудь кинем. Ну, хотя бы подушку кинем.

Кинули мы на шкаф подушку.

А кошка оттуда не прыгнула.

Тогда мы на шкаф закинули ещё три подушки, мамино пальто, все мамины платья, папины лыжи, кастрюльку, папины и мамины домашние туфли, много книг и ещё много всего. А кошка оттуда не прыгнула.

— Может быть, её нет на шкафу? — сказал я.

— Там она, — сказал Витька.

— Как же там, раз её там нет?

— Не знаю! — говорит Витька.

Витька принёс таз с водой и поставил его у шкафа. Если вздумает кошка со шкафа прыгнуть, пусть прямо в таз прыгает. Пингвины любят в воду нырять.

Мы ещё кое-что покидали на шкаф. Подождали — не прыгнет ли? Потом подставили к шкафу стол, на стол стул, на стул чемодан и на шкаф полезли.

А там кошки нет.

Исчезла кошка. Неизвестно куда.

Стал Витька со шкафа слезать и прямо в таз плюхнулся. Воду разлил по всей комнате.

Тут мама входит. А за ней наша кошка. Она, видимо, в форточку прыгнула.

Мама всплеснула руками и говорит:

— Что здесь происходит?

Витька так и остался в тазу сидеть. До того напугался.

— До чего удивительно, — говорит мама, — что нельзя их оставить одних на минутку. Нужно же наворить такое!

Нам, конечно, пришлось убирать всё самим. И даже пол мыть. А кошка важно ходила вокруг. И посматривала на нас с таким видом, как будто бы собиралась сказать: «Вот, будете знать, что я кошка. А не тюлень и не пингвин».

Через месяц приехал наш папа. Он рассказал нам про Антарктиду, про смелых полярников, про их большую работу, и нам было очень смешно, что мы думали, будто зимовщики только и делают, что ловят там разных китов и тюленей...

Но мы никому не сказали о том, что мы думали.

БОЛЬНЫЕ

- у тебя правда нога болит?

— Никакая нога у меня не болит! А у тебя в животе правда колет?

— Ничего у меня в животе не колет. Ловко мы с тобой в классе остались!

— Ребята сейчас там, на физкультуре, прыгают, а мы с тобой сидим — красота!

— Эх, хорошо просто так сидеть!.. Давай через парты прыгать!

КАК Я ВСЕХ ОБМАНУТЬ ХОТЕЛ

Мне про это рассказывать даже не хочется. Но я всё-таки расскажу. Все думали, я и вправду больной, а флюс у меня был не настоящий. Это я промокашку под щёку подсунул, вот щека и раздулась. И вдобавок гримасу соорил: вот, мол, как зуб у меня болит! И мычу слегка; это я всё нарочно сделал, чтоб урок не спросили. И Анна Петровна поверила мне. И ребята поверили. Все жалели меня, переживали. А я делал вид, что мне очень больно.

Анна Петровна сказала:

— Иди домой. Раз у тебя так зуб болит.

Но мне домой совсем не хотелось. Языком промокашку во рту катаю и думаю: «Здорово обманул я всех!»

Вдруг Танька Ведёркина как заорёт:

— Ой, смотрите, флюс у него на другой стороне!

ЗАКУТАННЫЙ МАЛЬЧИК

→ тот мальчик был так закутан, что на него нельзя было смотреть без смеха. Поверх всего он был обмотан большим шерстяным платком. Из сплошного клубка одежды торчали лишь нос и два глаза.

- Как ты на коньках катаешься? — спросил я.
- Никак.
- И на лыжах не катаешься?
- Не катаюсь.
- Вот так и стоишь у стены без движения?
- А зачем мне движение?
- Так ты бы лучше дома сидел.
- Я вышел воздухом подышать.
- Научить тебя на коньках кататься?
- Не надо.
- Тебе одежда мешает? Так ты разденься.
- Мне холодно будет.
- На коньках холодно не бывает.
- Мне и так тепло.
- Вот чудак! Ну и стой возле стенки, только смешно смотреть на тебя. Как чучело.
- А вот и нет.
- Как же нет, когда вон ты какой смешной!
- Не смей смеяться, я тебя стукну!
- Как же ты стукнешь? Тебе и руку поднять невозможно.
- Я побежал кататься.

Закутанный мальчик очень обиделся, побежал за мной, но сейчас же упал. Он встал, сделал шаг и опять упал.

— Поставьте его у стены, — сказал кто-то, — а то он так будет всё время падать.

КАК ТЁТЯ ФРОСЯ РАЗРЕШИЛА СПОР

Заспорили во дворе ребята, кто больше всех загорел за лето.

— Я больше всех загорел, — сказал Вова.

— Нет, я, — сказал Петя.

— У тебя уши белые, — сказал Вова.

— Уши не в счёт, — сказал Петя, — я в шляпе ходил.

— Нет, в счёт! Ты без ушей загорал, а я вместе с ушами! Значит, я больше всех загорел. Кого хочешь спроси.

Спросили Лёшу.

— Больше всех я загорел, — сказал Лёша.

— Ты не загорелый, а грязный.

— Сами вы грязные!

— Кого хочешь спроси, каждый скажет: ты грязный.

Спросили Алика.

— Больше всех я загорел, — сказал Алик.

А тётя Фрося сказала:

— Какие вы все загорелые!

И никто больше спорить не стал.

Чего зря спорить!

КОМУ ЧТО УДИВИТЕЛЬНО

Танька ничему не удивляется. Она всегда говорит: «Вот уж не удивительно!» — даже если бывает и удивительно. Я вчера на глазах у всех перепрыгнул через такую лужу... Никто не мог перепрыгнуть, а я перепрыгнул! Все удивились, кроме Тани.

«Подумаешь! Ну и что же? Вот уж не удивительно!»

Я всё старался её удивить. Но никак не мог удивить. Сколько я ни старался.

Я из рогатки попал в воробышка.

Научился ходить на руках, свистеть с одним пальцем во рту.

Она всё это видела. Но не удивлялась.

Я изо всех сил старался. Что я только не делал! Залезал на деревья, ходил без шапки зимой...

Она всё не удивлялась.

А однажды я просто вышел с книжкой во двор. Сел на лавочку. И стал читать.

Я даже не видел Таньку. А она говорит:

— Удивительно! Вот не подумала бы! Он читает!

огурцы

Мы с Вовкой сидим на брёвнах, беседуем и огурцы едим. Такие замечательные, свежие огурцы. Мы каждый год с ним сидим на брёвнах и едим огурцы.

— Эх, — говорю, — как-то скучно летом. Сплошные каникулы и огурцы!

— Мне каникулы нравятся, — говорит Вовка, — но не очень.

— Не очень-то и мне нравятся, а вот чтобы очень, так вовсе не нравятся.

— Сплошное безделье. На то и лето!

— Сплошное лето, вот именно!

Вот так мы сидим с Вовкой на брёвнах и разговариваем. И едим свежие огурцы.

И вдруг видим соседку Машу. Она что-то в земле копается. Непонятно зачем.

Я ей кричу:

— Что ты там делаешь?

Она говорит:

— Огурцы поливаю.

Вовка вынул из кармана огурцы и говорит:

— Вот. Пусть тоже растут на здоровье!

И я вынул два огурца из кармана. И сказал то же самое, чтобы они на здоровье росли.

— Эх вы, — говорит Маша, — только есть можете!

— В чём дело? — говорит Вовка.

— Это вдруг почему, — говорю, — только есть можем?

— Сразу видно, — говорит Маша.

Я смотрю на Вовку, а Вовка смотрит на меня, и ни я, ни он, конечно, не видим, чтобы у нас что-нибудь было видно.

— Закопайте свои тапочки, — смеётся Маша, — авось новые вырастут к осени.

ПОДХОДЯЩАЯ ВЕЩЬ

Я занимаюсь в столярном кружке. Очень мне нравится это дело.

Недавно я стол смастерил. Только плохой стол вышел. Мы его с Вовкой сломали — стул сделали.

И стул какой-то кривой получился. Не научились, наверное, стулья делать.

Сломали стул — сколотили скамейку. И скамейка нам не понравилась.

Тогда мы решили скворечню сделать. Тоже немало пришлось потрудиться; в конце концов получилась скворечня.

— Ну что это за вещь? — говорят ребята. — Какая же это вещь?

Повесили мы скворечню на дерево. Вскорости и скворец прилетел. Поселился в нашей скворечне. Раз скворец в ней живёт, значит, вещь подходящая.

Мы с Вовкой так думаем.

МАЛЕНЬКИЕ ФАНТИКИ

Раньше Петя и Вова сутулились, не причёсывались, не так ложку держали, ходили чумазыми, съезжали по перилам, визжали на уроках, приносили в класс кошку, запирали её в шкаф, она оттуда мяукала, а они смеялись, хотя ничего смешного тут не было.

Многие так и остались сутулыми. На всю свою жизнь. Многие так и остались визгливыми. До конца дней своих. Многие ложку всю жизнь не так держат. Многим почти что сто лет скоро будет, а всё ловят кошек, как маленькие. Таких, правда, не очень много. Но и не мало. Их, в общем, достаточно.

Раз достаточно, значит, хватит. Так Петя с Вовой решили.

Они стали в игру играть. В обыкновенные фантики. Примерно так:

— А ну, Петя, давай-ка мне фантик! Ты только что был сутулым.

Или:

— Вова, пойдй вымой ухо. Оно у тебя всё в земле. Давай фантик.

Или:

— Ну-ка, брось кошку и фантик давай!

Или:

— Ну-ка, иди сюда. Глянь-ка в зеркало. Видишь?

— Я ничего не вижу, — говорит Петя.

— Ты не видишь, что ты лохматый?!

— Ага, теперь вижу, — говорит Петя.

— Давай фантик, — говорит Вова.

— Сколько?

— Пять штук.

— Много.

— Тогда три.

— Бери.

Вот так всё просто и дружно! Тут одного фан-та мало. Раз человек весь лохматый. Но пять фан-тов много. Тут нужно условие. Сколько за что фан-тов брать. За двойку не то что пять, десять фантов мало. А то и все одиннадцать.

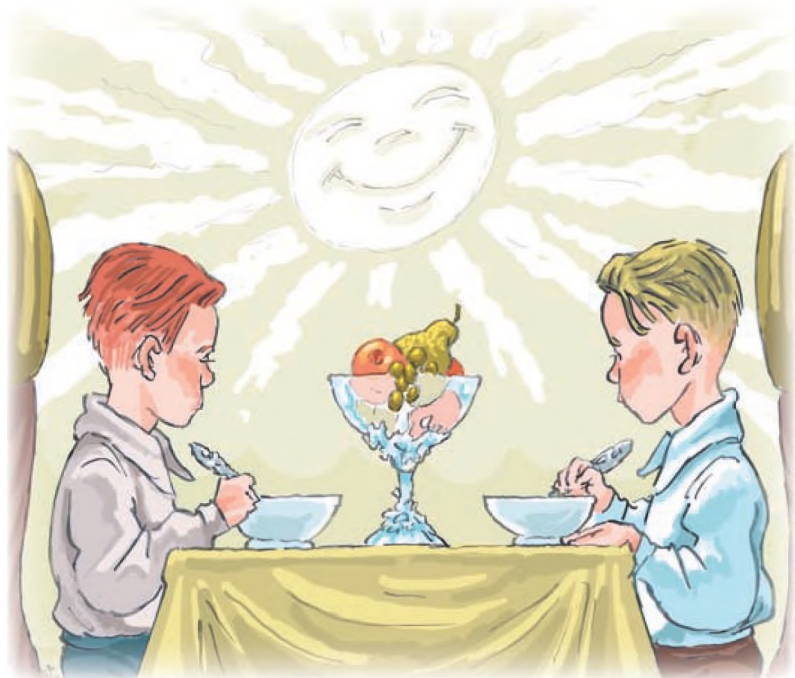
Иногда так бывает:

— Ага, ты хотел побежать за кошкой, давай, давай фантик!

Тут фантик не полагается. Мало ли что он хотел! Мало ли кто что хочет. Он же не побежал. В чём же дело! Это уже не по правилам.

Конечно, у них были споры. А как же! Без этого не бывает. Но они ни разу не дрались. У них мысли такой даже не было. Из-за каких-то фантиков!

Спору нет — фантик не чудо.

Но что-то такое особое. Простая цветная бумажка.
И всё. Но не в этом дело.

Ребята ложку держать стали правильно.

Они умываться стали по пять раз в день.

Они перестали сутулиться.

Они кошек стали не замечать.

Они визжать прекратили.

Они перестали ходить лохматыми.

Хотите — верьте, хотите — нет!

БЕДА

Мы решили цветы посадить во дворе. Посадим мы во дворе цветы. Никому не скажем об этом. Пусть цветы постепенно растут. Когда они вырастут, все удивятся. Все скажут: «Цветы сами выросли». И людям польза, и нам приятно.

Посадили мы семена. И ждём.

Долго ждали. Вдруг показалось что-то.

— Гляди, — кричит Вовка, — виднеется!

Я не сразу заметил.

— Где, где, — говорю, — где виднеется?

— Вон, вон, — кричит Вовка, — вон!

— Ой, и вправду виднеется!

— Ой, не могу больше ждать! — кричит Вовка.

Прошёл день. Прибегает Вовка весь бледный. Смотрит испуганно. И моргает. Он вообще всегда моргает. Но не так часто.

— Беда, — говорит.

— Где беда?

— Вырос лук.

— Какой лук?

— Зелёный.

Весь день мы печалились, хмурились. Только к вечеру нам стало лучше. Мы слегка успокоились. Всё же это беда не большая. Не самая страшная. Лук так лук. Ну и что же? Лук можно есть. А цветы? Цветы есть нельзя. Это каждый знает. Какая же это беда!

ТРУБАЧИ

Я думал, играть на трубе — пустяк. Дуешь себе, а она играет. Но оказалось, это совсем не так. Однажды горнист на пляж ушёл, а мы с Вовкой его трубу взяли. Поиграем, думаем, две-три песни, а потом на место положим.

Вовка спрашивает:

— Ну, что сыграть?

— Сыграй, — говорю, — про весёлый ветер.

— Пожалуйста, — говорит, — у меня слух хороший.

Вовка поднял трубу кверху и стал что есть мочи дуть. Но звука не получилось.

— Наверное, — говорю, — ты слабо дуешь.

— Да нет, — говорит, — я во всю силу дую. — И стал так дуть, что я думал, он лопнет. У него даже уши красные стали.

— А ну, дай-ка мне, — говорю.

Я тоже дул, дул — никакого звука!

— Ты прав, не дудит труба.

— Может, мы не так дуем?

— А как же ещё надо дуть?

— Ну, как-нибудь по-другому.

Попробовали мы ещё по разу. Всё зря. Не дудит труба.

Тут как раз проходит Миша Зябликов. Дали ему подудеть. Может, он сможет.

Миша дунул — тоже ни звука.

Потом ещё появились ребята. Они тоже по очереди в трубу дули. А звука всё не было.

Потом вдруг Коля дунул — звук вырвался. Слабый звук, но всё же. Мы загалдели.

— Пусть объяснит, — кричим, — как это вышло!

А он сам не знает.

— Я, — говорит, — всё дул, дул, и вдруг — бац! — загудело!

Сколько он после ни дул — всё впустую.

Пришлось положить трубу на место. Испорченная труба — дело ясное.

А вечером вдруг слышим звуки. Переливаются над лагерем, звенят.

Это наш горнист Лёва играл на трубе.

Просто чудо!

СПИНА, КОТОРАЯ ЗАГОРЕЛА

В пионерлагере я решил загорать. Пусть все скажут: смотрите! Каким был, а каким стал!

Кто куда, а я майку долой, чтоб никто не заметил. И ползком, ползком в сторону. В первый день солнца не было. И я всё под дождём сидел. Зря, правда. Но я думал, солнце появится. Один день, в общем, зря пропал. Ну, а потом пошло дело. Солнце всю светило. И я всю загорел. Спина просто чёрная стала. Как раз время всем показать.

Показываю спину Славке. А он ничего не говорит.

— Ты что, не видишь, — говорю, — спина у меня какая?

Он внимательно посмотрел и говорит:

— Пупырчатая.

— А ещё что видишь?

— А-а-а... — говорит, — теперь вижу.

И как даст мне по спине ладонью!

— Большой комар, — говорит, — сидел.

— Да ты ещё погляди.

— Больше нет комаров, — говорит.

И ушёл.

Показал спину Димке.

— Видишь?

— Вижу, — говорит. — Спина.

— А больше ты ничего не видишь?

— Ничего там больше нет, — говорит.

Поругались мы с ним.

Стёпку встретил. Показываю ему спину.

— Видал? — говорю.

— И я так могу, — говорит.

И тоже выгнул спину.

Я как заору:

— Да что ты — не видишь, что спина у меня загорелая?!

— Ну и что? — говорит.

Повернулся и пошёл. Смотрю я на его спину и вижу, что она у него здорово загорелая. Ничуть не меньше моей. Только вот почему он её никому не показывает — непонятно!

НЕ ВЕЗЁТ

Прихожу я домой из школы. В этот день я как раз двойку получил. Хожу по комнате и пою. Пою себе и пою, чтоб никто не подумал, что я двойку получил. А то пристанут ещё: «Почему ты мрачный, почему ты задумчивый!» Отец говорит: «Чего он орёт?» А мама говорит: «У него, наверное, весёлое настроение, вот он и поёт». Отец говорит: «Наверное, пятёрку получил, вот и весело на душе человеку. Всегда весело на душе, когда какое-нибудь хорошее дело сделаешь». Я как это услышал, ещё больше заорал. Тогда отец говорит: «Ну ладно, Вовка, порадуя отца, покажи свой дневник». Тут я сразу петь перестал. «Зачем?» — спрашиваю. «Да ладно уж, — говорит отец, — показывай, чего там, я вижу, тебе очень хочется дневник показать». Берёт он у меня дневник, видит там эту двойку и говорит: «Ты гляди, получил двойку и поёт! Этого ещё не хватало! Что он, с ума сошёл? Ну-ка, Вова, иди сюда! У тебя, случайно, нет температуры?» — «Нет у меня, — говорю, — никакой температуры...» Отец развёл руками и говорит: «Тогда придётся тебя наказать за это пение...»

Вот как мне не везёт!

НАДОЕДЛИВЫЙ МИША

Миша выучил наизусть два стихотворения, и не стало от него покоя. Он залезал на табуретки, на диваны, даже на столы и, мотнув головой, начинал сразу читать одно стихотворение за другим.

Один раз он пошёл на ёлку к девочке Маше, не снимая пальто, влез на стул и стал читать одно стихотворение за другим. Маша даже сказала ему: «Миша, ты же не артист!» Но он не слышал, дочитал всё до конца, слез со стула и был такой довольный, что даже удивительно!

А летом он поехал в деревню. В саду у бабушки был большой пенёк. Миша залез на пенёк и начал читать бабушке одно стихотворение за другим.

Надо думать, как он надоел своей бабушке!

Тогда бабушка взяла Мишу в лес. А в лесу была вырубка. И тут Миша увидел такое количество пней, что у него глаза разбежались.

На какой пенёк становиться?

Он здорово растерялся!

И вот такого растерянного бабушка его привела обратно.

И с тех пор он не читал стихотворений, если у него не просили.

КОМАНДА

Скоро выйдем на лёд в боевом составе!

Коля и Витя выздоровели от гриппа. Митя выздоровел от коклюша. Андрюша тоже выздоровел. Гена приехал из Москвы, где он жил с родителями три года. Саша, загорелый как чёрт, вернулся с отцом, посланцем, из Индии.

Сашу мы никак не ожидали. Хоккейная команда из шести человек состоит, а он седьмым оказался, то есть лишним.

Мы ему спокойно объясняем:

— Ты извини нас, но ты седьмой. Мы тебя не можем включить в свою команду. Откуда мы знали, что ты приедешь!

— В какую команду? — спрашивает.

— Известно в какую, не в пожарную же!

— А зачем мне в команду? — спрашивает.

Мы как заорём:

— Да ты что?! В команду не хочешь?!

Он перепугался и говорит:

— Хочу, хочу!

— Но мы тебя взять не можем.

— Почему?

— Вот чудак, потому что ты седьмой!

— А вы какие? — спрашивает.

— Мы укомплектованная команда.

Он в затылке почесал и говорит:

— А я?

— А ты седьмой!

— Ну и что?

Мы ему говорим:

— Раз ты русских слов не понимаешь, мы тебя даже запасным не возьмём.

Он рот скривил, весь задрожал от злости, сплюнул в нашу сторону и говорит:

— Катитесь-ка вы все от меня колбаской!

Красный стал. Так ничего и не понял.

Оказалось, мы ещё забыли Толика. Он такой тихий, и мы его из виду выпустили.

— Может быть, шахматами займёшься? — спрашиваем.

— Могу, — говорит, — и шахматами заняться.

— А мы тебя хотели в команду взять.

— Ладно, — говорит, — берите.

— Только у нас места нет.

— Ну и не надо, — говорит, — не берите.

— Ты ведь даже не знаешь, какая у нас команда!

— Берите, мне не жалко, — говорит.

— И нам не жалко, только ты, пожалуйста, не переживай.

— Да я и не переживаю.

— Знаем мы тебя. На вид не переживаешь, а внутри с ума сходишь.

— Тогда берите, — говорит.

— Сознайся, правда ведь с ума сходишь по нашей команде?

Он молчит.

Мы к нему вовсю пристали, чтобы сознался.

Он молчал, молчал, а потом головой мотнул, — сознался.

Мы его запасным взяли.

Настал день встречи с соседним двором.

Светит солнце. Тепло. С крыш каплет. Настроение у нас боевое. Спортивная форма на высоте. А вместо катка лужа...

Саша, загорелый как чёрт, ходит вокруг лужи и улыбается.

Коля говорит Вите:

— Когда мы с тобой гриппом болели, лужи не было. Может быть, это Сашина работа? Может быть, он солью посыпал?

Ни с того ни с сего над Митей стали смеяться:

— Эх ты, из-за своего коклюша весь хоккей про-кашлял!

Он разволновался и снова закашлял.

Андрюша встал в лужу и говорит:

— Тут ещё немножечко льда осталось, может быть, всё-таки удастся сыграть?

Хотя ясно, что не удастся.

Гена говорит:

— Если бы я знал, я бы из Москвы не уезжал, там совсем другая обстановка. — И со всей силой швырнул сосулькой в смеющегося Сашу.

Мы долго вели разговоры, всё в том же духе, никак не могли от лужи отойти.

Вдруг Витя говорит:

— Ребята! Давайте футбольную команду собирать, раз так вышло.

Его все поддержали, даже обрадовались.

Мы стали тут же футбольную команду собирать, чтобы в долгий ящик не откладывать. По всем правилам — одиннадцать человек.

Гена кричит Саше:

— Иди сюда! Не бойся!

Тот не идёт.

Мы ему кричим:

— Иди, иди сюда, мы тебе ничего не сделаем!

Он не идёт.

— Я! — кричит. — Могу! Вас всех! Такой сосулькой забросать! Что вы у меня вдребезги разлетитесь!!!

— Да никто в тебя сосулькой бросать не собирается, у нас к тебе дело есть!

— Я с вами никаких дел иметь не желаю! — отвечает. — Я вас ещё сосульками не так закидаю, подождите!

— Да отстань ты со своими сосульками, — говорим, — закидай, пожалуйста, у нас к тебе серьёзное предложение.

А он громадную сосульку оторвал от водосточной трубы и грозитя.

С трудом его уговорили, он сосульку бросил, и мы к нему подошли. Зовём его в нашу футбольную команду, а он упирается.

— Так, так... — говорит, — теперь у вас положение изменилось, так вы ко мне пришли? Катитесь вы колбаской!

— Смотри, — говорим, — потом пожалеешь! Мы тебя даже запасным не возьмём!

А он своё:

— Не выйдет у вас это! Не пройдёт!

Толик очень удивился, что он теперь футболистом будет.

— А раньше кем я был? — спрашивает.

— Раньше хоккеистом.

— Когда же я им был?

Он, оказывается, не знал, в какую команду мы его вначале включили. Ему, оказывается, всё равно было: состоять в какой-нибудь команде или не состоять.

Пошли по квартирам собирать недостающих.

Сплошная морока с этими недостающими!

Если бы мы в футбол уже играли, они бы умоляли взять их в команду, а когда мы к ним заранее пришли, они упираются. Мы даже к малышам обратились.

Один малыш говорит:

— А вы мне в копилку положите пять копеек?

Мы ему обещали, и он дал своё согласие.

Другой малыш сказал:

— Сейчас у меня со временем туго. Я способный пианист, усиленно упражняюсь на рояле. Обещать вам не могу, но постараюсь. Только не вратарём. Не имею права портить руки о мяч.

Витя возьми да скажи:

— А ноги тебе портить можно? — Взял способного музыканта за уши да потянул.

Малыш завыл, а Коля сказал:

— Я его, кажется, по телевизору видел, он на рояле играл.

Витя говорит:

— Подумаешь! Нас тоже скоро по телевизору покажут! Всю команду.

Пенсионер дядя Петя Макагонов выразил желание стоять в воротах, раз у нас такое критическое положение. Хотя он и пошутил, но мы ему вполне серьёзно отказали.

Забавный инцидент произошёл с Галей Хорошайловой. Она узнала, что мы футбольную команду собираем, за нами увязалась, претендует на роль центра нападения.

Мы ей объясняем:

— Ну кто ты такая, посмотри на себя!

Она говорит:

— Я центр нападения.

Мы смеёмся, а она в ответ:

— А вы дураки!

Еле-еле от неё отвязались.

Одиннадцатого игрока мы долго найти не могли, как вдруг появляется во дворе бывший хулиган Николай Богданов. Я сразу ему предложил встать на воротах.

А он мне как щёлкнет в нос, да с такой силой, что слёзы из глаз потекли.

— Я, — кричит, — тебе покажу! Как надо мной издеваться!

Мы от него разбежались в разные стороны и за сараем собрались.

Неожиданно дядя Петя появился, схватил Богданова за руку и говорит:

— Вместо того чтобы исправиться, ты опять за старое!

Богданов задрожал и говорит:

— Буду, буду стоять на воротах!

Дядя Петя говорит:

— Я и то согласился, а ты кривляешься, ишь ты какой важный!

Но как только дядя Петя его отпустил, Богданов отбежал на почтительное расстояние и стал орать:

— Ловите! Ловите! — и по водосточной трубе полез на крышу.

Дядя Петя вздохнул и говорит:

— Пропадёт человек, а жаль. Ничего, мы за него возьмёмся. А вы не печальтесь, ребята, я вам своего внука из пятнадцатого дома приведу, он будет счастлив.

— Только вы никому ни слова, что он не из нашего двора, а то скандал будет.

Дядя Петя сначала не понял, почему скандал будет, а когда разобрался, что подлог получается — чужих игроков переманиваем, а сами от имени своего двора выступаем, засмеялся и говорит:

— Никому на свете не скажу, можете на меня положиться.

Мы на него целиком положились и всей командой пошли есть мороженое.

А потом Саша вынес свой новый индийский мяч во двор, и мы его гоняли по лужам, лупили что есть силы по сосулькам, всю тренировались.

Устали и отправились в соседний двор договариваться о встрече.

САМЫЙ ЛУЧШИЙ ЛАГЕРЬ

Дело в том, что в «Прибрежном», «Лазурном» и «Горном» мы уже были. А теперь отправились с визитом в лагерь «Морской».

В шлюпке спор завязался, какой лагерь лучше.

Потом спор до того разгорелся, что лодка стала качаться, честное пионерское! Но мы всё равно спорить продолжали. Только когда Коля Яблочкин встал и замахал руками, мы его обратно посадили.

Коля Яблочкин закричал:

— Самый лучший лагерь — наш «Кипарисный»!
У нас столько кипарисов, что другим лагерям ни-

когда столько не насажать, а если даже насажают, — жди, когда они вырастут! А когда они вырастут, наши кипарисы ещё больше вырастут! Вы это соображаете?! А те будут расти и расти и всё без толку! Никогда им наших в жизни не перерастить!..

Витя Курочкин закричал:

— Мне нравится «Прибрежный»! Там в воде меньше камней, чем в других местах, а в других местах камней больше!

И он стал так хвалить «Прибрежный», так орать, что его пришлось успокаивать, как Колю Яблочкина.

— Ой, девочки! — вдруг закричала Катя, когда мы проезжали мимо «Лазурного», — Пушкин знал, где стихи писать, Пушкин всё знает!

И все поняли, что ей «Лазурный» лагерь больше нравится.

Все смотрели на грот Пушкина.

Все немножко помолчали, а когда проехали, снова заспорили.

Патрик заявил через переводчика, что ему трудно ответить, какой лагерь лучше, но «Горный» не хуже.

Его спросили через переводчика, что значит «„Горный“ не хуже», и он ответил через переводчика, что его слова означают: «„Горный“ лучше».

Его спросили через переводчика, чем ему «Горный» больше нравится, и он ответил через переводчика: «Потому что на горе».

Больше его не стали спрашивать, но спор продолжался до тех пор, пока к «Морскому» не причалили.

В «Морском» лагере Витя Курочкин прямо ошалел, бегал с вытаращенными глазами мимо архитектурных

сооружений и кричал, что «он всегда тянулся к бетону и стеклу». Не хотел даже ехать обратно, заявив, что он к кипарисам никогда не тянулся. А сам, между прочим, несколько раз на кипарисы пытался залезать, я видел. Однажды даже с одного кипариса на ежа свалился.

На обратном пути мимо всех лагерей ехали тоже споря.

Мы всю дорогу спорили, а в конце концов решили, что самый лучший лагерь — Артек.

Ведь это и есть Артек — все пять лагерей, о которых мы спорили.

ВСЕ СМОТРИТЕ НА МОЙ ПЕНАЛ

Гости сели за стол, а я бегал вокруг стола и орал:

— Смотрите!!! У меня!!! Какой пенал!!! Замечательный!!!

Мне хотелось, чтобы все видели мой новый пенал. Такая куча карандашей вмещается — и хоть бы что!

Папа сказал:

— Прекрати немедленно орать!

Я прекратил орать, потянул за рукав одного гостя и тихо сказал:

— Смотрите. Какой у меня пенал. Замечательный.

— Прекрати немедленно дёргать Петра Петровича! — сказала мама.

Я подошёл на цыпочках к другому гостю и сказал ему на ухо:

— Смотрите... какой у меня пенал... замечательный...

Он не расслышал.

— Вы только посмотрите, какой у меня замечательный пенал! — сказал я.

— Где? — спросил он.

Но не успел я ему пенал показать, как папа закричал:

— Прекрати немедленно приставать к человеку!

Я отошёл подальше и на одного гостя пристально смотрю. Как только он меня заметит, я ему издали пенал покажу.

Но он в мою сторону не смотрел.

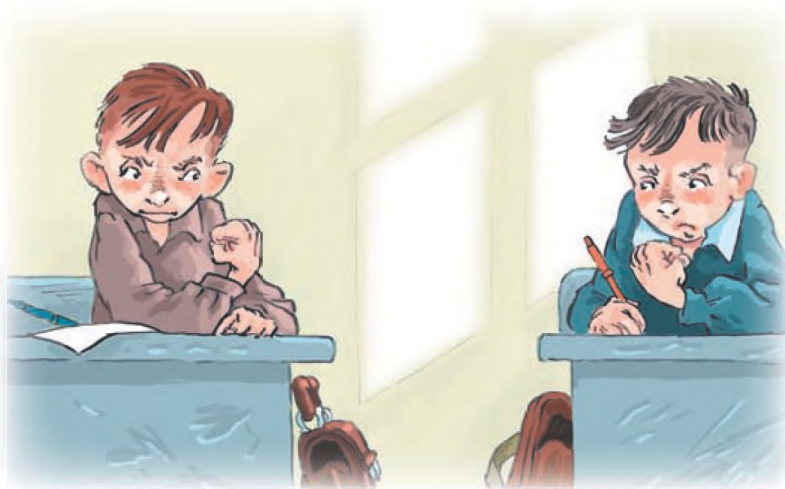
Тогда я привязал к пеналу верёвочку и вожу его по комнате туда-сюда. Кто-нибудь спросит, что это за штука, и я сразу пенал покажу.

Но мой пенал особенного шума не производил, он был картонный, и никто не спросил, что я катаю. Только родители меня попросили перед глазами не мелькать.

Я, обиженный, ушёл в свою комнату, чтобы никогда больше к ним не выходить.

Оказывается, так и нужно было поступить с самого начала. Уйти в свою комнату со своим пеналом.

Но ведь я с самого начала не был на гостей обижен, как же я мог так поступить?

НА РЕЧКЕ

В воображении моём создавалась картина нашей драки: мы с Васькой катаемся по земле, вцепившись друг в друга, он меня царапает, а я его. Никто пощады не просит, бесконечно долгое время катаемся, царапаемся и кусаемся...

Глупость, конечно, если рассудить: отправляемся после уроков драться, вместо того чтобы домой обедать.

Спор был, кому на последней парте возле окна сидеть. Место редкое, незаметное и обзорное. Сколько хочешь всю улицу обозревай, а хочешь — весь класс обозревай. К доске раз в месяц вызовут, а то и того меньше. Опустить голову, тебя и не видеть. Вроде бы в классе, а вроде бы тебя и нет.

Замечательное, в общем, место. Сашка там раньше сидел, одни пятёрки получал. Сашка коклюшем заболел, и место освободилось. Васька взял туда и сел. А я давно на это место метил. Можно сказать, мечтал туда уединиться.

Пишу Ваське записку: «Освобождай место, я его раньше приметил». Он мне отвечает: «Кто раньше сел, тот и сидит». Он раньше сел, но я раньше приметил. Я ему пишу: «Кто раньше приметил, тот и должен сидеть, а не тот, кто сразу сел». Он мне отвечает: «Сначала докажи, что ты раньше приметил, а потом садись».

Как же я докажу, вот хитрец! Я ему кулаком погрозил, а он смеётся.

На переменке подхожу, заявляю свои законные требования, а он их законными не признаёт. Неужели не понимает, что я давно мечтал на последней парте сидеть! Хватаю его за рукав и тяну. А он не поддается!

В это время звонок. Я на место. Попробую его на следующей переменке вытащить.

Он мне записку пишет: «Ты за это получишь!» Я ему кулак показал, чтобы он знал, кто получит. Тем более мне получать не за что, а ему есть. Он на моё место сел, а не я на его.

На следующей переменке я его снова тащить начал.

И вот теперь отправляемся мы на речку драться.

Школа у нас на горе помещается. А внизу речка. Полянка. Знаменитый художник Левитан, говорят, написал здесь несколько своих пейзажей.

Уютное местечко. Изумительный вид. Лучшего места для драки не сыскать.

Спустились по тропинке на полянку.

Трава вовсю зеленеет. Птицы галдят на деревьях. А рядом речка журчит. И лошади пьют воду.

Стоим мы с Васькой среди настоящей весны, замечательной природы, замечаем в небе самолёт и глядим на него с удовольствием.

С удовольствием гоняем по траве чей-то старый ботинок, мочим в речке ноги, пьём воду с лошадыми, загораем без маек, болтаем обо всём на свете и договариваемся сидеть на той парте по очереди до тех пор, пока Сашка не выздоровеет от коклюша.

ХОЧУ ЛОШАДЬ

— х, — говорит Васька, — была бы у меня лошадь, сел бы я на неё да поскакал бы во весь дух из города до самого поля и дальше, дальше в лес, помчался бы по лесной дорожке, выскочил бы на полянку и дальше!

Лечу стрелой, а рядом поезд несётся.

Перегнал бы поезд и дальше скачу, скачу себе, скачу без остановки...

— Ну и до какого же места ты доскакал бы? — спрашивают ребята.

— А ни до какого, до того же самого.

— Как это понять? — спрашивают ребята.

— А очень просто, Земля круглая, так по кругу обратно и вернулся бы.

— Ишь ты, — смеются ребята. — Вот на ракете — вжик! А не на лошади.

- А я хочу на лошади, — говорит Васька.
- Вот чудак, — смеются ребята, — зачем тебе лошадь? Машину бы гоночную! И — вжик!
- А я лошадь хочу, — говорит Васька.
- Ребята говорят:
- А ещё мотоцикл неплохо. Стоящая, между прочим, вещь. Сел — вжик!
- А я лошадь хочу, — твердит Васька.
- Самое лучшее — велосипед, — говорят ребята, — крути себе педалями — и вжик!
- Мне лошадь надо, — говорит Васька.
- А самолёт? Ка-ак — вжик!
- Эх, лошадь бы мне, — вздыхает Васька, — я бы за гриву крепко держался, ни за что на свете бы не упал, скакал бы, всё скакал без передышки семь дней и семь ночей и назад возвратился... А вжик я не хочу, потому что мне лошадь охота...

КАРУСЕЛЬ В ГОЛОВЕ

К концу учебного года я просил отца купить мне двухколёсный велосипед, пистолет-пулемёт на батарейках, самолёт на батарейках, летающий вертолёт и настольный хоккей.

— Мне так хочется иметь эти вещи! — сказал я отцу. — Они постоянно вертятся у меня в голове наподобие карусели, и от этого голова так кружится, что трудно удержаться на ногах.

— Держись, — сказал отец, — не упави и напиши мне на листке все эти вещи, чтоб мне не забыть.

— Да зачем же писать, они и так у меня крепко в голове сидят.

— Пиши, — сказал отец, — тебе ведь это ничего не стоит.

— В общем-то ничего не стоит, — сказал я, — только лишняя морока.

И я написал большими буквами на весь лист:

ВИЛИСАПЕТ
ПИСТАЛЕТ-ПУЛИМЁТ
САМАЛЁТ
ВИРТАЛЁТ
ХАКЕЙ

Потом подумал и ещё решил написать «мороженое», подошёл к окну, поглядел на вывеску напротив и дописал:

МОРОЖЕНОЕ

Отец прочёл и говорит:

— Куплю я тебе пока мороженое, а остальное подождём.

Я думал, ему сейчас некогда, и спрашиваю:

— До которого часу?

— До лучших времён.

— До каких?

— До следующего окончания учебного года.

— Почему?

— Да потому, что буквы в твоей голове вертятся, как карусель, от этого у тебя кружится голова, и слова оказываются не на своих ногах.

Как будто у слов есть ноги!

А мороженое мне уже сто раз покупали.

НЕ-А...

Неимоверная чёлка закрывала глаза мальчишки и половину носа.

— Не мешает тебе чёлка? — спросил я.

— Не-а.

— Меня видишь?

— Не-а.

— Значит, ты даже не видишь человека, с которым разговариваешь?

— А я изредка дую на неё, и она подпрыгивает. — Скривив рот, он дунул снизу вверх, и чёлка подпрыгнула.

— И часто дуть приходится?

— А что?

— Не устаёшь?

— Не-а.

— С утра до вечера дуть на свою чёлку, с ума можно сойти!

— Зато когда бежишь во весь дух, она сама разлетается в разные стороны, — похвастал он.

— Ну а когда спокойно идёшь?

- Он пояснил:
- Тогда встряхиваешь головой в такт шагам, и чёлка назад отлетает.
 - И обратно не прилетает?
 - Я вам серьёзно говорю.
 - Но нельзя ведь всё время трясти головой!
 - Почему нельзя?
 - Голова заболит от непрерывных трясок.
 - Не-а.
 - Да и неудобно. Сзади, предположим, волосы тебе не так мешают, а за столом, наверное, в тарелку твоя чёлка попадает?
 - Два раза в суп и три раза в кисель...
 - Ну и как?
 - Смешно.
 - Неужели?
 - А что?
 - А если ты читаешь, пишешь за столом, тебе чёлка не мешает?
 - Не-а.
 - Как же ты с ней обходишься в это время, опять дуешь?
 - Читаю я в кровати, а когда пишу, одной рукой чёлку придерживаю.
 - Ну и ну!
 - А что?
 - А телевизор когда смотришь, дуешь, держишь одной рукой или головой всё время трясешь?
 - Тогда я высоко поднимаю голову, затылком упираюсь в стену и сверху вниз смотрю, что показывают.
 - И видно?

- Ну, не очень. А что?
- Тряс головой бы тогда и дул.
- От тряски экран мелькает. А дуть к вечеру я уже больше не могу...
- Сознался хоть.
- А что?
- М-да... Много у тебя хлопот.
- Не-а.
- А что? — передразнил я.
- Это вы меня спрашиваете?
- Не-а, — сказал я. — Хватит с меня.

РАЗРЕШИТЕ ПРОЙТИ!

Второклассник стоял в дверях дома и ждал приятеля.

Шёл домой пятиклассник, схватил за шиворот второклассника и закричал:

— Чего под ногами болтаешься!

Шёл домой семиклассник, схватил за шиворот второклассника с пятиклассником, чтобы они не болтались под ногами.

Шёл домой девятиклассник, схватил за шиворот в дверях второклассника, пятиклассника и семиклассника, раз они болтаются под ногами.

Затем, разумеется, семиклассник вцепился в девятиклассника, пятиклассник — в семиклассника, а второклассник — в пятиклассника. Никто не считал, что он болтается у кого-то под ногами. Не может же такого быть, чтобы люди друг у друга болтались под ногами!

Шёл домой старик.

Но разве он мог пройти?

Он сказал:

— Разрешите.

И все отпустили друг друга и пошли домой, кроме второклассника. Он опять встал в дверях.

Ведь он ждал своего приятеля. Зачем же хватать его за шиворот?

Хотя... Можно встать ВОЗЛЕ дверей!

КОРРЕСПОНДЕНТ ГЕРА КРОШЕЧКИН

Когда у Геры Крошечкина появился фотоаппарат, он сразу стал в центре внимания. Ходит в центре, а мы по бокам. Каждый просит, чтобы его сняли, а Гера возмущается: мол, всех людей снять невозможно. А сам снял петуха. И где он его нашёл, подумать только! Во всём городе ни одного петуха не видно. Оказывается, он его на базаре сфотографировал. На базар за петухом ходит, а своих товарищей снимать не хочет! Куда это годится?

Окружили ребята Геру Крошечкина, галдят, умоляют сфотографировать, а он важничает. Круглый отличник Миша махнул рукой и говорит:

— Да ну его! Будет петухов снимать да куриц, кому это надо!

Миша — круглый троечник (это чтоб их не путать) на Мишу-отличника полез. Заискивает перед Герой, чтобы тот его снимал почаще. Но Миша-отличник отскочил в сторону — да прямо на ногу старосте Камилле Николаевой.

А Гера эту сцену сфотографировал.

Миша — круглый троечник заорал:

— Смотрите-ка, смотрите! Успел заснять, когда Миша-отличник на Камиллиной ноге стоял, вот молодец!

Камилла заплакала, а Гера её тут же сфотографировал всю в слезах.

Камилла говорит сквозь слёзы:

— Вы же видите, какие ужасные сцены он снимает! Мне на ноге чуть пальцы все не отдавили, а для него сенсация. Вот до чего он дошёл со своим аппаратом!

Круглый троечник Миша говорит Гере:

— Я готов, пусть кто угодно стоит на моей ноге, только бы меня засняли!

Круглый отличник Миша говорит ему:

— Мы знаем, ты на всё готов, только бы не учиться. Ни одной четвёрки за всю жизнь не получил.

— И с тройками всю жизнь переводят, — ответил Миша-троечник.

— Зато тебе будет в жизни трудно, — сказал Миша-отличник.

— А тебе легко?

— Мне легче.

— А мне сейчас легче, — сказал Миша-троечник.
А Гера сейчас же эту сцену снял.

Мише-троечнику очень не понравилось, что его зафиксировали в такой момент, и он стал возмущаться, а Гера — улыбаться.

— Ты ведь сам просил, — говорит ему Гера.

— Я не так просил.

— А как?

— По-другому.

Стоит расстроенный и зевает.

И тут опять его Гера снял.

— Да ты что, нарочно? — совсем разозлился Миша-троечник. — Не смей меня снимать с раскрытым ртом!

— А ты закрой рот, — говорит Гера.

Миша-троечник так стиснул рот, что даже зубы скрипнули, тут Гера его сейчас же и сфотографировал.

Миша испугался, что у него на фотографии теперь получится свирепое лицо, но Гера объяснил, что на фотографии не будет слышно скрипа зубов, и Миша-троечник тогда успокоился.

Камилла вытерла слёзы и говорит:

— Гера Крошечкин действительно способный человек. Он ловко успевает подмечать. Но это не всё. Что он снял? Меня плачущую, Мишу-троечника с раскрытым ртом, Мишу свирепого, Мишу расстроенного и Мишу-отличника, стоящего на моей ноге. Кому нужны такие фотографии? Разве мне, старосте, и Мише-отличнику нужны такие фотографии? Они никому не нужны, даже самому фотографу.

Но Гера сказал:

— А зато мне смешно. Я буду смотреть на ваши фотографии и показывать другим, и мы все вместе будем хохотать.

— Я тебе покажу, как надо мной хохотать! — зарорал круглый троечник Миша, но Камилла его остановила.

Круглый отличник Миша сказал:

— Как же он будет надо мной смеяться, если я круглый отличник? А у него две двойки. Это я над ним должен смеяться вместе с его фотоаппаратом, если на то пошло!

— А что, нельзя зевать? — раскричался троечник Миша. — Что, нельзя зевать?!

От его крика Гера Крошечкин стал всю зевать, и Миша сказал:

— Сам зевает, а другим не даёт.

Но тут, глядя на Геру, все стали отчаянно зевать и долго не могли остановиться.

После этого Камилла сказала:

— Наш Крошечкин со своим аппаратом вполне мог бы классу пользу принести. Если бы он имел

поручение от пионерского отряда, представляете? Давайте-ка, ребята, его корреспондентом стенной газеты выдвинем. Согласен быть корреспондентом?

— Ох, наверное, это трудно, — испугался Гера.

— Легко, легко! — закричали ребята. — Мы будем только сниматься, а ты — нас снимать.

— Только вас одних снимать? — опять испугался Гера Крошечкин.

Ира-санитарка говорит:

— Заснял бы ты, Гера Крошечкин, как от нас некоторые ускользают, когда мы у них уши и руки проверяем, — и посмотрела на круглого троечника Мишу, — получилась бы у тебя отличная картинка.

Гера Крошечкин подумал и сказал:

— Это можно.

— Сфотографировал бы пушкинские места, родную нашу природу, которую воспел поэт, — сказала Камилла.

— Это верно, — сказал Гера.

И Гера Крошечкин согласился стать корреспондентом.

А для начала сфотографировал весь довольный, улыбающийся класс на фоне карты мира для праздничного номера стенной газеты.

ДВА ПОДАРКА

В день рождения папа подарил Алёше ручку с золотым пером. На ручке были выгравированы золотые слова: «Алёше в день рождения от папы».

На другой день Алёша со своей новой ручкой пошёл в школу. Он был очень горд: ведь не у каждого в классе ручка с золотым пером и золотыми буквами! А тут учительница забыла дома свою ручку и попросила на время у ребят. И Алёша первый протянул ей своё сокровище. И при этом подумал: «Мария Николаевна обязательно заметит, какая замечательная у меня ручка, прочтёт надпись и скажет что-нибудь вроде: „Ах, каким красивым почерком написано!“ или: „Какая прелесть!“ Тогда Алёша скажет:

„А вы взгляните на золотое перо, Мария Николаевна, самое настоящее золотое!“»

Но учительница не стала разглядывать ручку и ничего такого не сказала. Она спросила урок у Алёши, но он его не выучил. И тогда Мария Николаевна поставила в журнал двойку золотым пером и вернула ручку.

Алёша, растерянно глядя на своё золотое перо, сказал:

— Как же так получается?.. Вот так получается!..

— Ты о чём, Алёша? — не поняла учительница.

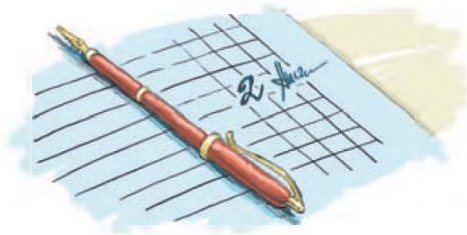
— О золотом пере... — сказал Алёша. — Разве можно ставить двойки золотым пером?

— Значит, сегодня у тебя не золотые знания, — сказала учительница.

— Выходит, папа подарил мне ручку, чтобы мне ею двойки ставили? — сказал Алёша. — Вот так номер! Какой же это подарок?

Учительница улыбнулась и сказала:

— Ручку тебе папа подарил, а сегодняшний подарок ты себе сам сделал.

СПЛОШНЫЕ ЧУДЕСА

Дело было так. Сначала я начал разгибать гвоздь в кухне на кафельном полу. А он не разгибался. Я хлопнул по нему молотком со всей силы, и три кафельные плитки разлетелись вдребезги. Целый час я возился с гвоздём. Мне захотелось есть. Я поставил на плиту варить картошку и обнаружил пропажу гвоздя. Я сбегал на стройку и притащил пять плиток и цемент. Я взялся за работу, но, как ни старался, мои плитки никак не укладывались вровень с другими. Две проваливались очень глубоко, а одна возвышалась над всеми. Я хлопнул по двум плиткам молотком, и они разлетелись вдребезги. Я вставил на их место запасные, но они возвыша-

лись над другими, и я не решился хлопнуть по ним молотком. Стал подчищать ножичком пол, после чего обнаружил, что и теперь они проваливаются. Я густо намазал их цементом, но теперь они опять возвышались, как я ни нажимал на них. Я хлопнул по ним молотком, и они разлетелись вдребезги.

Оставалось идти за новыми. Я выпросил десять плиток, но мне не удалось их уложить с другими вровень. Я хлопнул по ним молотком, и они разлетелись вдребезги.

Цемент носился по воздуху. Я кашлял и чихал. Я подмёл пол и обнаружил, что в полу теперь не хватает шести плиток, а не трёх, как раньше.

Я вспомнил о картошке, но она превратилась в угли. Ни плиток, ни картошки, ни гвоздя...

Я заглянул в кастрюлю и обнаружил там гвоздь. Сплошные чудеса!

Я принялся снова разгибать его на плитках и раскрошил ещё две плитки. Но гвоздь разогнул.

Я вбил его в стену и наконец-то повесил картину Шишкина «Утро в сосновом лесу».

Я слез со стула и отошёл подальше, чтобы посмотреть издали, не криво ли она висит. И в этот момент картина грохнулась на пол, и стекло разлетелось вдребезги.

Проклятый гвоздь!

Сплошные чудеса!

Я вскочил на стул и стал со злости вколачивать гвоздь в стену, чтобы духу его больше не было, никогда его не видеть! Но он всячески изворачивался и подгибался, и мне никак не удавалось его

как следует вколотить. Я подправлял его клещами и вбивал. Вбивал и подправлял. Я воевал с гвоздём.

В дверь постучали. Я открыл.

— Прекратите бить в стену! — возмущённо сказала соседка. — Что вы там делаете?

— Ничего... — сказал я, тяжело дыша.

— Перестаньте немедленно.

— Нет, я ему покажу!

— Кому?

— Гвоздю.

— А что с ним?

— Гнётся. Он всё время гнётся. Я его забью!

— Бессовестный мальчишка, — возмутилась соседка, переходя на ты, — если тебе нужен гвоздь, то скажи.

Она тут же притащила горсть гвоздей. Совсем новых. Как я сразу не догадался у неё попросить!

— Вот, возьми любой гвоздь. А тот оставь в покое.

— На этот гвоздь мне нечего злиться, а с тем гвоздём я рассчитаюсь.

— Где это видано, чтобы с гвоздями рассчитывались! — сказала соседка.

— Всё равно мне теперь нечего вешать на ваш гвоздь...

— Ну, смотри мне!

Она ушла.

А я лёг на кровать и укрылся одеялом с головой.

Мне жалко было плитки.

Я ненавидел гвоздь.

Мне не хотелось есть. Ведь виноват был я.

И я уснул.

Во сне мне снились гвозди, которые сами вбиваются в стену, картошка, которая никогда не сгорает, и плитки, которые ничем не разобьёшь.

Сплошные чудеса!

Во сне всё было хорошо, но на самом-то деле всё было плохо...

Да, многого я делать не умею...

Сам не знал...

ОТДОХНИ, САНЯ!

Мальчик Саня приехал с мамой на дачу, и у него начались новые дни.

Он беспрерывно носился с ребятами по пляжу, купался, играл, а к вечеру спрашивал маму:

— Что мне теперь делать?

Это был неутомимый мальчишка, он несколько не уставал.

Мама ему отвечала в таких случаях:

— А теперь ты отдохни.

От маминых слов он сейчас же убегал к ребятам, но ребята все разбредались по домам, и он продолжал играть сам с собой.

С самим собой ему играть быстро надоедало, и он кричал маме в окно:

— А что мне теперь делать?!

Мама брала его за руку, приводила домой и укладывала в постель, но он сейчас же вскакивал и спрашивал со слезами:

— А теперь что мне делать?!

Он долго не мог уснуть, вспоминая прошедший день: замечательный тёплый песок, зелёно-синее море; как он залезал в лодки и катера, представлял, что плывёт в дальние страны, хотя лодки и катера покачивались на привязи и никуда не плыли. Как он катался на велосипеде по тропинкам леса и даже налетел на дерево, но всё благополучно обошлось. Как он быстро и ловко промчался через рыболовецкий совхоз, куда вход категорически воспрещён. И многое, многое другое.

А утром начиналось всё сначала, и опять к вечеру он спрашивал маму:

— А что мне теперь делать?

И мама ему снова отвечала:

— Отдохни.

Но он не хотел отдыхать. Он сказал:

— Как жаль, что я не могу ходить на руках! Я вымыл бы в заливе ноги и пришёл на руках домой. И мне не пришлось бы дома мыть ноги.

— Тогда пришлось бы мыть руки, — сказала мама.

— Я мог бы вымыть руки, раз мне нечего делать.

После лета он приехал с мамой домой и сейчас же спросил:

— Что мне делать?

— Завтра тебе в первый класс, — сказала мама, — ведь ты хорошо отдохнул.

— Разве я отдыхал? — удивился Саня.

— Сейчас хоть отдохни, — сказала мама.

— Скорей бы в школу! — вздохнул он. — Тогда бы я знал, что мне делать!

И он побежал во двор к ребятам рассказывать, как он отдыхал летом.

Да отдохни ты, Саня!

РИСУНОК

Алёша нарисовал цветными карандашами деревья, цветы, траву, грибы, небо, солнце и даже зайца.

— Чего здесь не хватает? — спросил он папу.

— Всего здесь достаточно, — ответил папа.

— Чего здесь недостаточно? — спросил он брата.

— Всего хватает, — сказал брат.

Тогда Алёша перевернул рисунок и написал на обороте вот такими большими буквами:

И ЕЩЁ ПЕЛИ ПТИЦЫ.

— Вот теперь, — сказал он, — там всего хватает!

ОН ПРИЕХАЛ КО МНЕ ИЗ ТЕМНОТЫ

Без Деда Мороза придётся в этот год обойтись, — говорит папа.

— Без Деда Мороза нельзя! — говорю.

— Я не успел его вызвать, было много работы, закрутился... — говорит папа.

— Из-за твоей работы Новый год отменяется? — говорю.

— Не отменяется. Нам некогда его дожидаться. Сейчас с тобой поедем. Нас ждут бабушка, мама и новогодний стол. Семейное дело — сам понимаешь, — говорит папа.

— Без Деда Мороза Новый год не придёт. Я точно знаю. Всегда так было. Я его давно жду, — говорю.

— Ты шутишь? Ты уж не маленький, скоро в школу пойдёшь. Дед Мороз не фантастика. Обыкновенный человек на работе, вот и всё, — говорит папа.

— Я, конечно, не маленький. Но Дед Мороз есть Дед Мороз!

— Да с такими штуками, как у тебя: видео, магнитофон, компьютер, три ёлки — зелёная, серебряная, золотая, разных игрушек — море... Сотовый телефон у тебя на полу валяется, подними сейчас же! Ты не бедняк. Можно, я думаю, без одного ряженого обойтись, — говорит отец.

Настроение было плохое, когда я пристёгивался ремнями на сиденье рядом с отцом.

Замелькали по сторонам огни и ёлки в лесу под снегом.

«Что теперь будет? — думал я. — Без Деда Мороза Новый год никогда не приходил. Никогда такого не было».

В моторе что-то зазвенело, отец сразу насторожился, скорость переключил, перестроился. В машине уже не звеняет — дребезжит. Мы съехали на обочину, остановились. Мотор заглох и больше не заводился.

Папа открыл капот, посмотрел в моторе, достал из багажника гаечные ключи, домкрат и мне говорит:

— Возьми аварийный фонарь, засвети у моих ног, чтобы не задели случайно. И может быть, кто остановится...

Он надел старую засаленную куртку, поднял машину на домкрате, полез под неё с фонариком. Свет от фонарика прыгал, как зайчик.

Я стою у красного фонаря и жду: кто-нибудь остановится...

Страшно гудит в темноте дорога. В одну сторону посмотрю: машины ослепляют белыми фарами, снег в лесу кажется тёмным. В другую сторону обернусь — красные огни уплывают, будто дразнятся. Пока никто не останавливается.

Печально! Ни Деда Мороза, ни Нового года, ёлок и тех в темноте не видно. Застряли посреди пути, посреди ночи, посреди зимы...

Папа вылезает из-под машины.

— Ну что там? — говорю.

Он безнадежно разводит руками.

— Зря ты не взял с собой телефона, вызвали бы сейчас аварийную. Позвонили бы бабушке и маме...

Телефон так на полу и валяется, мне стыдно, что я не удосужился его поднять.

— Почему никто не останавливается?

— Остановятся. Сейчас, сейчас, подожди немного. Ты хоть не простудись, а то беда, — говорит отец.

— Вот тебе и Дед Мороз! — говорю.

— Застряли... Ничего не поделаешь, — говорит папа. Настроение у меня хуже и хуже.

Неожиданно подъезжает к нам «Волга». Останавливается. Открывается дверца и выходит... Дед Мороз!

Ну да! В красном тулупе, в белой шапке и, как положено, борода.

— Что тут с вами? — говорит Дед Мороз. — Я на работе, везу подарки ребятам, но вас, конечно, в беде не оставлю.

Он вытащил из своего багажника лёгкий тросик, подцепил к «Волге» нашу машину и сел за руль. Я пересел к нему, потому что в аварийной машине нельзя сидеть пассажирам.

Я еду с Дедом Морозом, гляжу на него во все глаза. Я люблю его больше всего на свете. И как нечаянно запою:

Вперёд, вперёд на Новый год
Нас Дед Мороз домой везёт...

Мы с ним смеёмся.

Приехали обратно домой. Дед Мороз оказался во время на работе, мы успели к Новому году. Он мешочек с подарком мне дал.

Я так и знал: без Деда Мороза в Новый год не обойдёшься.

Мы подняли с пола телефон, позвонили маме и бабушке. Они были счастливы, что мы в аварию не попали и никакого несчастья с нами не произошло.

Я, конечно, не маленький. Я давно знаю, что Дед Мороз человек. Но зато какой человек!

Самый лучший!

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадки под дождём.....	5
Яндреев	7
Я пуговицу себе сам пришил!.....	9
Как я под партией сидел	9
Передвижение комода.....	11
Болтуны	13
Как мы на самолёте летали.....	14
Лукьян.....	17
Язык	17
Как я помогал маме мыть пол.....	18
Новая рубашка.....	20
Неохота всё время пешком ходить.....	21
Был не крайний случай.....	23
Моя работа	25
Никакой я горчицы не ел	26
Пара пустяков	33
«Козёл-баран»	38
Пятнадцать третьих.....	39
Крути снежные вертя.....	40
Дело не в том, что я мяч не поймал	42
Пароход и лошадь	43
Так всегда бывает	44
Друзья	45
Вязальщик	46
Я смотрю в окно.....	49
Тыква в сундуке	51
Птичка	54

Коньки купили не напрасно.....	56
Мы играем в Антарктиду	57
Больные	62
Как я всех обмануть хотел	63
Закутанный мальчик	64
Как тётя Фрося разрешила спор.....	66
Кому что удивительно	67
Огурцы.....	68
Подходящая вещь	70
Маленькие фантики.....	71
Беда	75
Трубачи.....	76
Спина, которая загорела	78
Не везёт	80
Надоедливый Миша	81
Команда	83
Самый лучший лагерь	91
Все смотрите на мой пенал	94
На речке	96
Хочу лошадь.....	99
Карусель в голове	101
Не-а.....	103
Разрешите пройти!.....	106
Корреспондент Гера Крошечкин	107
Ава подарка.....	113
Сплошные чудеса.....	115
Отдохни, Саня!	119
Рисунок	121
Он приехал ко мне из темноты	122

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
Серия «Крестики-нолики»

Голявкин Виктор Владимирович

КАРУСЕЛЬ В ГОЛОВЕ

Рассказы

Художник В. Минеев

Дизайн обложки Т. С. Мудрак

Ответственный редактор П. П. Лемени-Македон

Художественный редактор М. В. Панкова

Технический редактор А. Т. Добрынина

Корректор Л. А. Лазарева

Верстка В. В. Никитина

Подписано в печать 15.02.2018. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36.
ID 32818. Заказ №

ООО «РОСМЭН».

Почтовый адрес: 127018, г. Москва, ул. Октябрьская, д. 4, корп. 2. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес: 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, д. 29, корп. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:

(495) 933-70-73; 933-71-30;

(495) 933-70-75 (факс).

Дата изготовления: март 2018 г.

Отпечатано в России.

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
от 29 декабря 2010 г. маркируется знаком 6+

Голявкин, Виктор Владимирович.

Г639 Карусель в голове : рассказы / В. В. Голявкин ; худож. В. Минеев. — М. : РОСМЭН, 2018. — 128 с. : ил. — (Крестики-нолики).

В сборник вошли самые известные рассказы замечательного детского писателя Виктора Голявкина (1929–2001): «Тетрадки под дождем», «Карусель в голове», «Пара пустяков», «Сплошные чудеса» и многие-многие другие. Герои этих веселых, ироничных и добрых рассказов — обычные мальчишки и девчонки. Они то и дело попадают в забавные переделки, но никогда не унывают и всегда готовы прийти на помощь друзьям.

ISBN 978-5-353-08410-5

УДК 821.161.1-32-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

© В. Голявкин, наследники, текст, 2017

© В. Минеев, иллюстрации, 2017

© Состав, макет. ООО «РОСМЭН», 2017

Герои серии «Крестики-нолики» – самые обычные школьники. Точно такая же бесшабашная Люся Синицына наверняка сидит за одной партой вон с той девчонкой в смешных наушниках, озорной Дениска Кораблёв – лучший друг вашего сына, а ваша дочка, не выпускающая из рук смартфон, переписывается сейчас с весёлой и изобретательной Леной Шишкиной.

Книги В. Драгунского, М. Москвиной, А. Раскина, И. Пивоваровой, Ю. Сотника, В. Голявкина давно стали детской классикой. А читать о приключениях их персонажей, неутомимых выдумщиков, озорников и мечтателей, по-прежнему интересно и смешно каждому школьнику!

ISBN 978-5-353-08410-5

9 | 785353 | 084105